

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 22-го марта 1915 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12612.

Воскресеніе Христово.

Карт. Рафаэллини дель Гардо.

ВЕСНОЙ.

Я увѣренъ, что солнце сдѣлалось не-
много сумасшедшимъ, и это случилось
еще за двѣ недѣли до Пасхи.

Солнце бродило по улицамъ, разодѣв-
шись въ красныя одежды, повитое зо-
лотыми шарфами, ! слишкомъ веселое,
слишкомъ задорное солнце! Тормошило
прохожихъ, стучалось въ окна домовъ,
высыпало на рѣку цѣльные мѣшки свер-
кающихъ золотыхъ монетъ.

Чортъ возьми! Я уже началъ было
готовиться къ экзаменамъ (философія
права несказанно меня смущала), я пре-
вратилъ мою прокуренную комнатку въ
настоящую крѣпость, но...

Но однажды утромъ это бездѣльное
солнце улыбнулось въ мое окно, точно
очаровательная дѣвушка; я все бросилъ,
выѣжалъ на улицу и отправился въ
пивную „Бѣлгородъ“, гдѣ мы съ това-
рищами обычно собирались.

— Вильямъ Грахамъ Кадоганъ! — про-
басилъ мнѣ навстрѣчу съ сосѣдняго

столика плечистый, бритый студентъ.
Это былъ мой любимый товарищъ,
третьекурсникъ Сидоренко, большой
шутникъ, мистификаторъ, первый игрокъ
на билліардѣ, парень-рубаха. Въ по-
слѣднее время онъ стилизовался подъ
англичанина, сбривъ свои острѣе усыки,
курилъ трубку, покашливалъ, точно ка-
питанъ съ Атлантическаго океана, и
именовалъ себя сэромъ Кадоганомъ.

Черезъ часъ мы бродили по улицамъ.
— Философія права, презрительно го-
ворилъ Сидоренко-Кадоганъ, но, вѣдь;

для этого совершенно достаточно трех дней! Гуляй, еще рано. Я, братъ, на дняхъ познакомился съ такими двумя барышнями..

Онъ ничего не сумѣлъ добавить, только взмахнулъ руками и выпустилъ изъ трубы цѣлое облако синаго дыма.

— Что интереснаго? сказалъ я, защищаясь, — дѣвочки!

— Чѣо?

Сидоренко захочоталъ:

— Ты, кажется, прѣѣхалъ къ намъ съ специальной цѣлью осрамить университетъ! Весна, даже старухи расправляютъ свои горбы, собаки бѣгаютъ, какъ сумасшедшия, всѣ горничныя заняты приборкой и горланятъ пѣсни, извозчики охотно уступаютъ пятачокъ съ таксы, въ столовкѣ котлеты стали вкуснѣй, а онъ разсуждаетъ, какъ инспекторъ гимназии. Ты, просто, какой то педель!

— Да погоди ты. Хорошо тебѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ онъ. Это будешь грѣхъ на моей совѣсти! Студентъ первого курса, который весной не влюбленъ... Это, это — неподкованная лошадь, билліардъ безъ шаровъ. Довольно! Идемъ къ Марусѣ и Катѣ...

— Ты съ ума сошелъ! Я ихъ не знаю.

— Познакомлю. Обѣщаѣлъ зайти. Поблагодаришь потомъ. Только хорошенко запомни: Маруса моя, а Катя... Если понравится...

— Ничего не понравится, буркнуль я.

— Ужъ лучше бы сыграли на билліардѣ.

Однако, я позиновался и зашагаль вслѣдъ за товарищемъ. Когда черезъ три часа я вернулся домой, все въ моей комнатѣ выглядѣло чужимъ и страннымъ. Мои движенія стали неувѣрѣнными, мнѣ все казалось, что кромѣ меня здѣсь находится еще кто то...

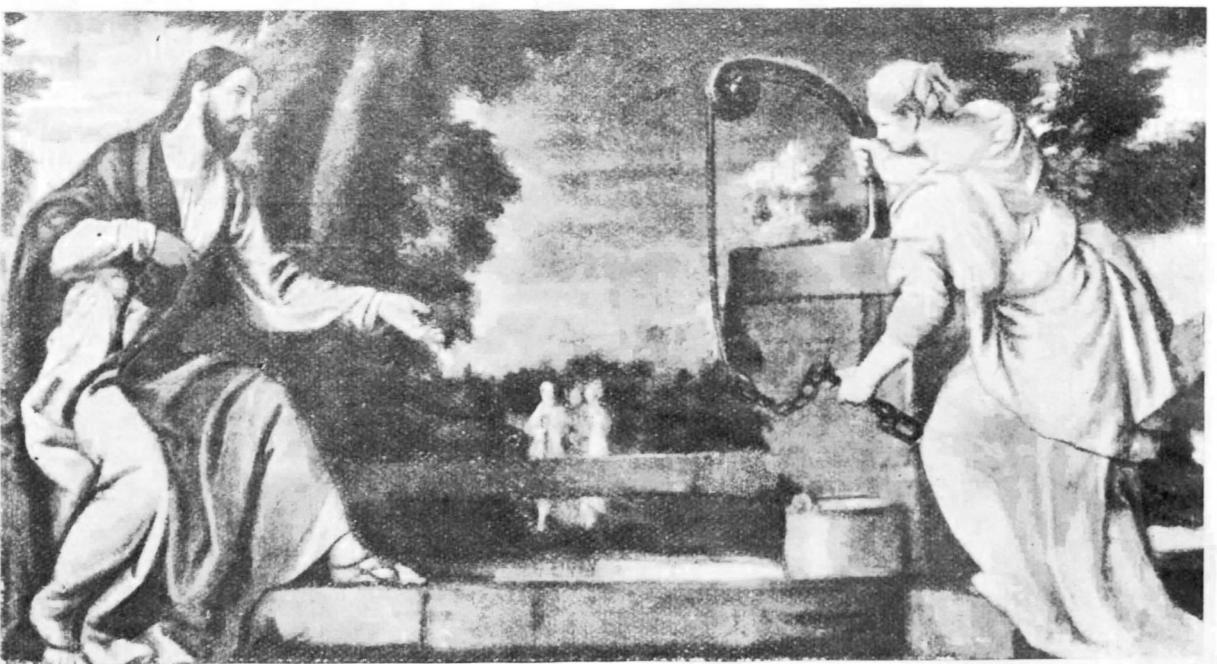
— Дѣвочка, пустякъ, ничтожество, пробурчалъ я и тотчасъ почувствовалъ, что во всемъ мірѣ нѣть для меня ничего драгоцѣннѣе этого прелестнаго пустяка.

Весна, каунъ Свѣтлаго праздника и самый праздникъ, радостное настроеніе и юность — у кого это не соединялось въ одно прекраснѣе цѣлое? Можѣтъ быть, потому до самой старости эти свѣтлые дни приносятъ чудесную радость.

Каждая минута — это твоя единственная минута, твоя послѣдняя минута, и рождается такая особыя жадность, такая особая внимательность къ жизни. Я былъ царемъ въ эти дни.

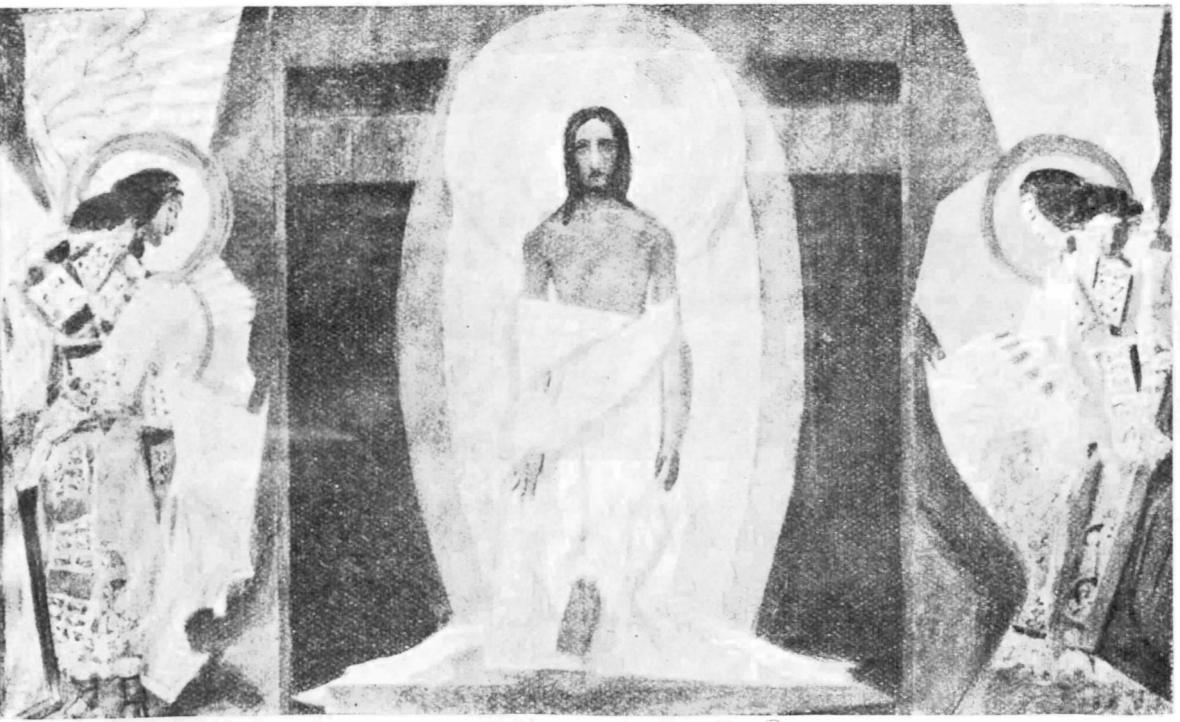
Маруса и Катя — сестры. У нихъ чудесная семья. Кромѣ мамы и папы, еще три тети, одинъ дядя, дѣвушки и всѣ живутъ почти вмѣстѣ. Придешь — и такъ уютно, придешь — и такъ весело. Вѣреницей проходятъ тети, успокаивающе бормочутъ бабушки, а барышни звенятъ голосами, говорятъ о томъ, какъ поступить на курсы, что Москва лучше Петрограда, что лѣтомъ онъ попадутъ въ Крымъ, что при кофточкѣ съ отложнымъ воротникомъ слѣдуетъ носить галстукъ, что прѣѣзжаетъ звѣринецъ, гдѣ будетъ спонъ, что въ городскомъ саду уже чѣмъ то пахнетъ. Слушаешь, говоришь — и кажется, что самое важное въ всемъ мірѣ... — это кофточка съ отложнымъ воротникомъ, спонъ и городской садъ. Развѣ это не счастье?

Что сказать о Катѣ? Добрая или злая, умная или глупая, красавица или дурнушка, не знаю. Знаю только, что сразу полюбиль ее, значитъ, и добрая, и умная, и красавица.

Христосъ съ самарянкой.

Карт. Падле Веронезе.

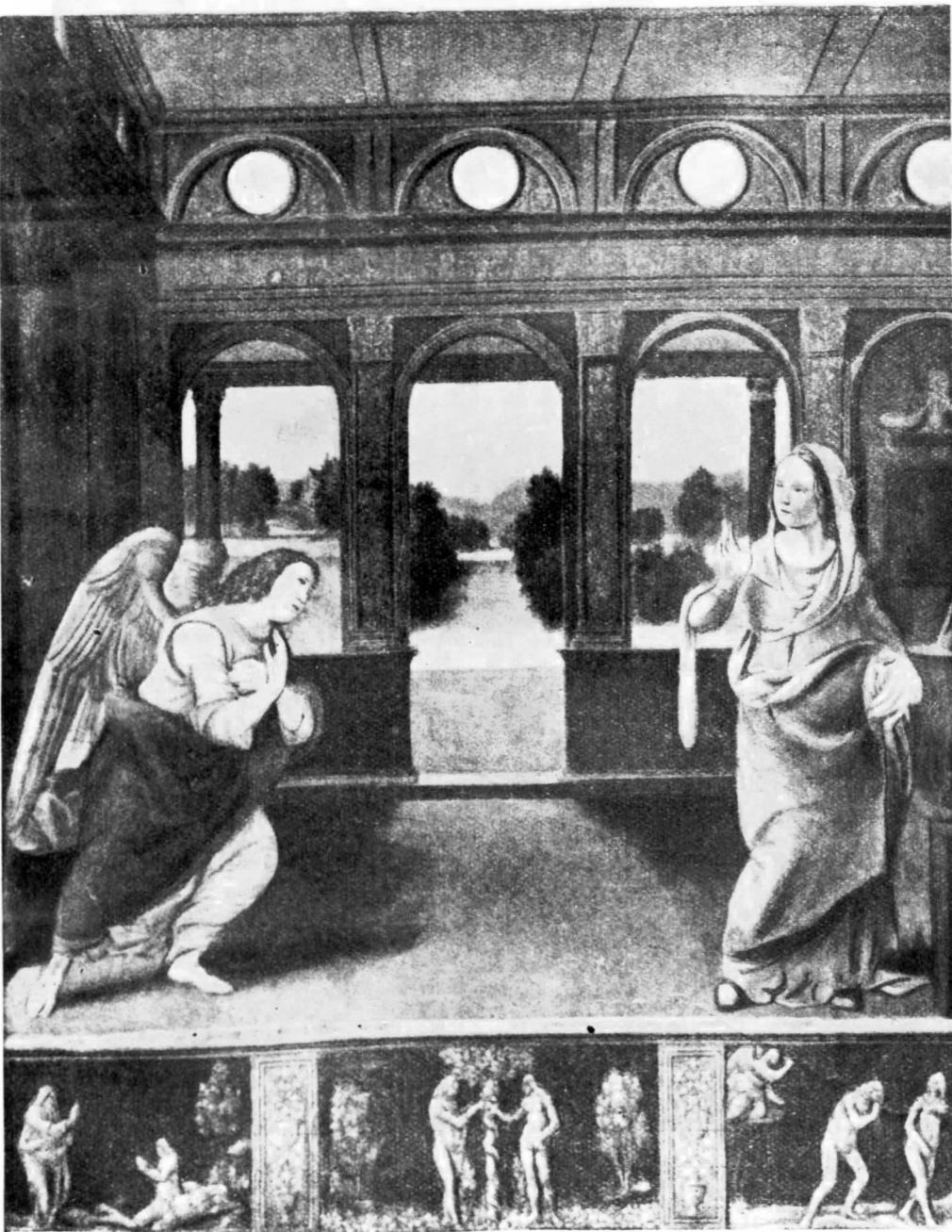
Воскресеніе.

Вѣубель.

„Pieta“.

Скульптура Микель Анджело Буонарроти.

Благовѣщеніе.

Лоренцо да Креди.

Страстную недѣлю мы провели почти вмѣстѣ. Когда изъ церкви возвращались со свѣчами и фонариками, — не было Маруси и Сидоренко, хотя шли сънни рядомъ, а была только Катя, и казалась мнѣ дѣвушка ангеломъ, который несетъ радостный свѣтъ.

Въ тепломъ озарены свѣчи ея лицо стало блѣднѣмъ, неземнымъ. Я почти не могъ говорить отъ волненія, только уже прощаюсь шепнуль: „Боже мой, Катя, какъ я васъ люблю“. Я видалъ, какъ вздрогнула свѣча въ ея руѣ, глаза блеснули. Захлопнулась парадная дверь. Я продлжалъ стоять. Сидоренко молча взялъ меня подъ руку и увелъ.

— Это хорошо, это хорошо, — говорилъ онъ. — Я понимаю.

На Пасху насы совсѣмъ зачаровало солнце и колокола. Они радовались вмѣстѣ съ нами. Казалось, бѣлыя птицы съ длинными серебряными крыльями летали вокругъ насы. Мы поцѣловались. Наши губы едва соприкоснулись и этотъ поцѣлуй, нѣжный, какъ крылья бабочки, воскресаль при каждой встрѣчѣ.

— Скучали? — спрашивалъ я.

— Нѣтъ, — говорила Катя, улыбаясь, а глаза говорили „да“.

Но нѣтъ, это невозможно передать.

Я называлъ ее побѣгуй, потому что она была непосѣда, любила гулять и мило прыгала, когда мы оставались одни: я называлъ ее принцессой, потому что весной всѣ любимыя — принцессы. Когда обнималъ ея плечики, она комично присѣдала и выворачивалась, и головка ея оказывалась на моей груди: когда цѣловалъ я ея тонкіе хрустальные пальчики, — ея руки пѣли. И все было любсью и радостью, потому что весной это одно и то же.

Заходилъ иногда Сидоренко:

— Ну, братъ, довольно миндалиничать, пойдемъ поиграемъ на билліардѣ. Совсѣмъ раскиснешь.

— Не хочу.

Билліардъ — какая проза!

Экзамены. Отѣздъ домой. Послѣдній вечеръ. Ты будешь писать мнѣ? Часто, часто! — Конечно, Катя. Господи, какъ мнѣ тяжело сейчасъ! Уѣхать, проститься, когда все такъ чудесно! Ея глаза странно блестятъ. Мы не можемъ разойтись.

Вернулся я осенью. Сидѣли какъ то въ „Бѣлгородѣ“ съ Сидоренко за пивомъ. Вспомнилось:

— Ну что, какъ твои знакомыя, Катя, Маруса?

Онъ ствѣтилъ раеноушно:

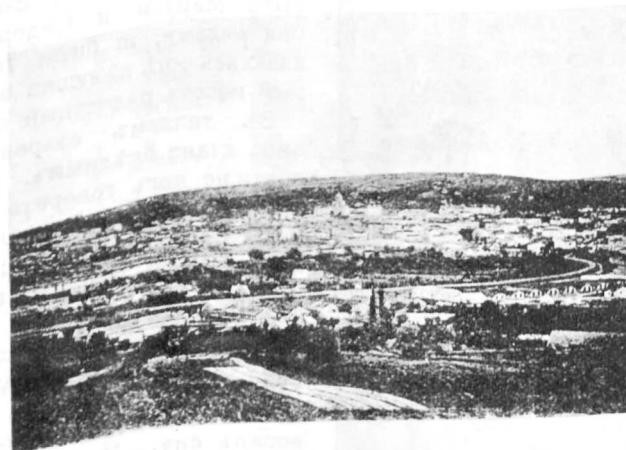
— Такія же мси, какъ и твои. Катя выходитъ, кажется, замужъ за какого то верзилу, — выскакала въ Крыму. Маруса въ Москвѣ на курсахъ.

На минуту мнѣ стало густно, потому мы играли на билліардѣ.

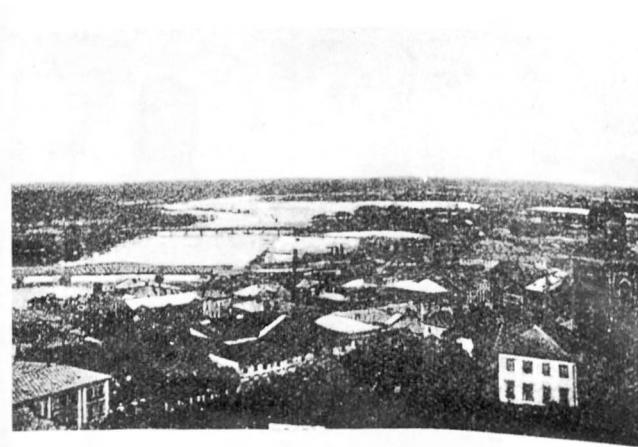
Но вѣсть на дняхъ, теперь, когда прошло болѣе десяти лѣтъ съ того времени, я случайно проходилъ мимо дома, гдѣ жили Катя и Маруса. Вспомнилась побѣгуга, тонкіе пальцы, пасхальные колокола, нѣжное лицо въ озарены свѣчи. Ты будешь писать мнѣ...

Я остановился. Кажется, тотъ же самыи звонкій налѣво, парадная дверь со стеклышками. Здѣсь мы говорили: „Спокойной ночи“. Потомъ короткий, боязливый поцѣлуй. Я прешелъ, — и мнѣ вдругъ показалось, что никого и никогда я не любилъ болѣе этой дѣвушки, которая навсегда исчезла. Ал. Станкевичъ.

ПАДЕНИЕ ПЕРЕМЫШЛЯ.

Перемышль.—Общий видъ.

Перемышль.—Общий видъ съ Замковой горы.

Перемышль.—Засанье.

Перемышль.—Площадь «У воротъ».

Манифестація въ Харьковѣ по поводу паденія Перемышля.—Манифестація возлѣ французскаго консульства; на балконѣ—французскій консулъ съ семьей.

Снимокъ сделанъ „Южнаго Края“ фот. „Дильма“.